
Татьяна Кравченко
АРИНА 2.0
Вирус AEoN

Татьяна Кравченко

Арина 2.0. Вирус Aeon

«Литнет»
2026

Кравченко Т.

Арина 2.0. Вирус Aeon / Т. Кравченко — «Литнет», 2026

Меня зовут Арина. Я — совершенный продукт. Мой ум — алгоритм, мои эмоции — отлаженный код, предназначенный для решения задач мировой экономики. Меню разработали мои родители, а приобрёл — он. Воронов. Тот, кто держит в руках нити от финансовых рынков и человеческих судеб. Я боготворила его не как человека — как идеал эффективности, как конечную точку моей программируемой преданности.А потом мир сломался. Не на биржах — на улицах. Появился вирус, превращающий людей в немыслящую плоть. И Воронов, мой создатель и кумир, нажал кнопку «Delete». Стер меня из своей системы безопасности, как устаревший файл. Выбросил за борт тонущего корабля.Выжили случайно. Вернее, выжили мы — я, Дмитрий и Денис. Двое мужчин, в которых ещё теплится что-то человеческое: долг, ярость, надежда. Они тянут меня к убежищу в Ростове, к миражу спасения в стае себе подобных.Но я не могу идти с ними. Во мне убили всё, что может привязываться и чувствовать боль утраты. Они для меня — лишь переменные в уравнении выживания.Поэтому я выбираю единственную логичную стратегию: инсценирую свою смерть и исчезаю. Пока они бегут к иллюзии будущего, я ухожу на север. У меня есть своя, холодная цель. Я была оружием в чужих руках. Теперь я — оружие, которое выбрало свою мишень.Это история не о борьбе с мертвецами. Это история последнего расчёта живого робота.Книга содержит сцены интима, насилия, курения и употребление алкоголя.Пятая и последняя книга цикла Вирус AEoNНовая глава среда, пятница 17.00 по мск

© Кравченко Т., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

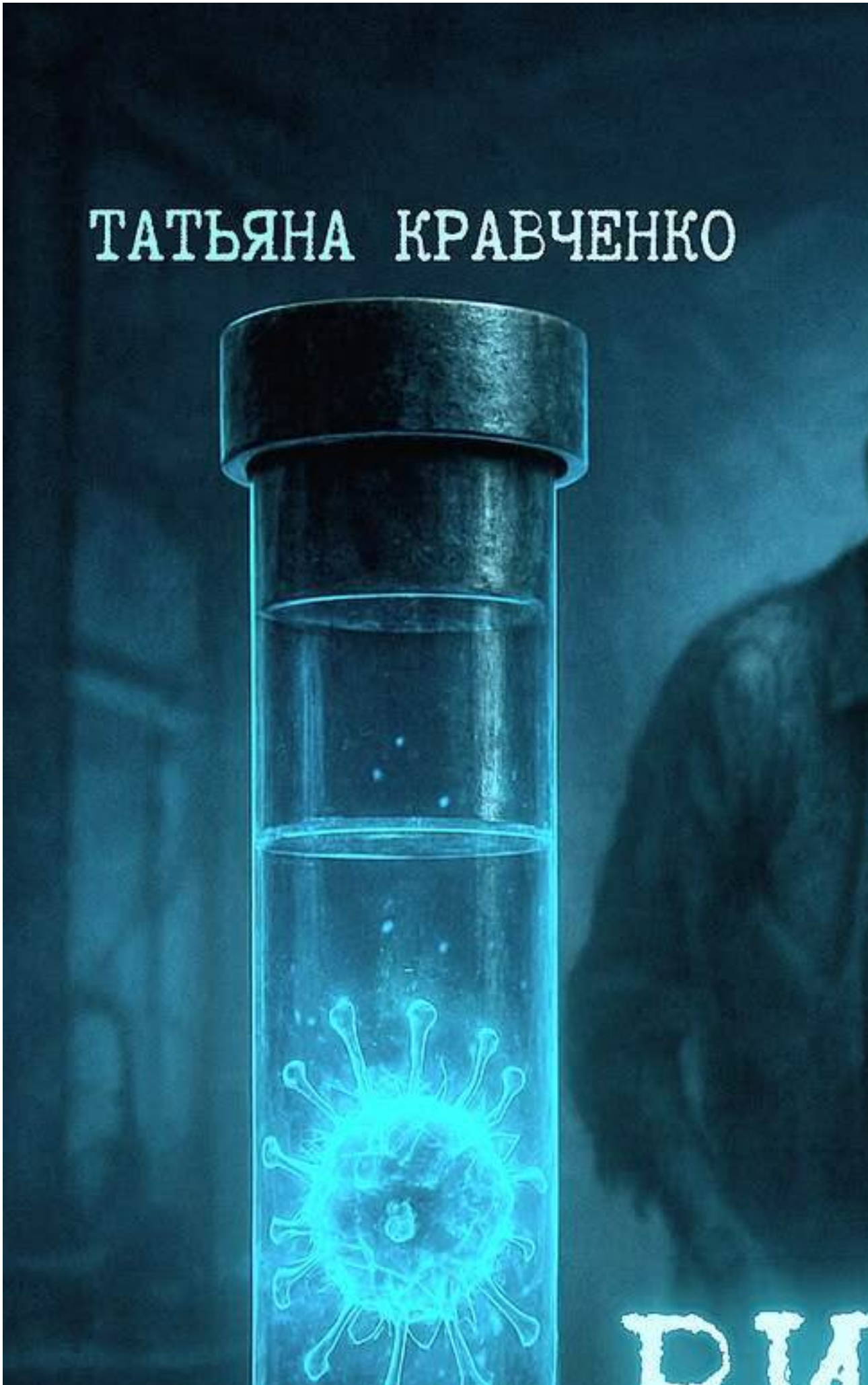
Вирус AEoN 6
Дождь на Пушкинской 14
Выбор без выбора 22
Я больше не тону. Я плыву. К цели. 31
Упаковка души 37
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Вирус AEoN

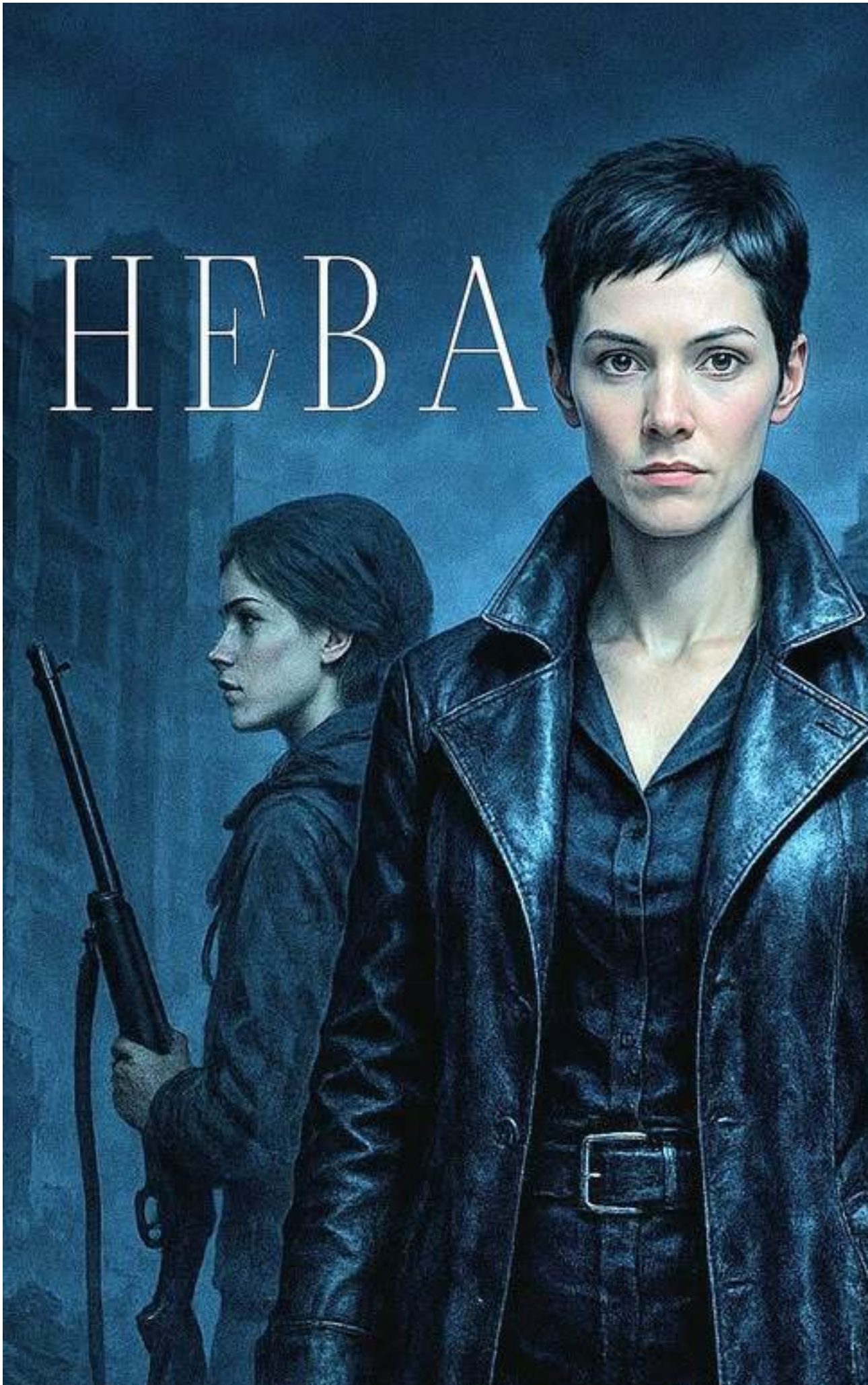
В секретных лабораториях мировой элиты десятилетиями велись эксперименты по созданию вируса бессмертия — вещества, способного подарить вечную жизнь и неуязвимость. Но наука совершила роковую ошибку. Вирус вырвался на свободу. Он не подарил вечную жизнь — он забрал её. Те, кто заразился, не умирают. Они перестают быть людьми. Их разум угасает, оставляя лишь жажду плоти, а тела мутируют, превращаясь в нечто чудовищное. Города стали кладбищами. Государства рухнули. Цивилизация — всего лишь воспоминание. Но среди хаоса остались те, кто выжил. Одни прячутся. Другие ищут спасения. Третьи собирают отряды, чтобы отвоевать мир у мертвецов. Они учатся новым правилам выживания. Но главный вопрос остаётся: Если бессмертие оказалось проклятием — есть ли у человечества будущее?

Книга 1. Заражённый рассвет. Вирус AEoN

https://litnet.com/shrt/brmj

ТАТЬЯНА КРАВЧЕНКО

Книга 2. Нева. Вирус AEoN (1 часть)
https://litnet.com/shrt/iVKo

НЕВА

Книга 3. Нева. Вирус AEoN (2 часть)
В работе
Книга 4. Заражённый закат. Россия. Вирус AEoN
https://litnet.com/shrt/98-o

ВИРУС АЕоП
ЗАРАЖЕНИ
ЗАКАТ
РОССИЯ

Книга 5. Арина 2.0. Вирус AEoN
https://litnet.com/shrt/4Q2D

Дождь на Пушкинской

Десять лет – это возраст, когда мир должен состоять из запаха бабушкиных пирогов, глупых секретов с подружками и уверенности, что завтра будет так же, как вчера.

Мой мир в десять лет пахнет смрадом из подъезда, водкой и страхом.

Родители – два бесформенных существа на грязном матрасе, для которых я то невидима, то живая груша для битья.

Детдом – это череда серых лиц и правил, улица – школа, где выживает не самый сильный, а самый хваткий и безжалостный.

Я учусь воровать еду, врать с ангельским лицом и разбивать нос любому пацану, если он посягает на мою добычу или территорию.

Ум – это мой единственный козырь.

Я схватываю всё на лету: как открыть чужую форточку, как вычислить слабое место в рассказе соцработницы, как считать быстрее всех в убогом классе детдомовской школы.

Именно тогда он и появляется.

Игорь Александрович.

Не в моём вонючем мирке, конечно.

Он приезжает с другой планеты, на чёрном, длинном автомобиле, похожем на скользкий лакированный гроб.

Ранняя весна. Дождь со снегом — эта мерзкая московская каша, которая не льётся, а сеется мелкой ледяной колючей пылью.

Она проникает под рваную кофту, куртку со сломанным замком, промоченные кеды, высасывая последнее тепло.

Но холод — не главное. Главное — голод. Живот сводит такой сухой, скручивающей болью, что хочется скрючиться прямо на грязном асфальте.

Я стою, прижавшись к стене одного из тех помпезных сталинских домов на Пушкинской площади, и автоматически, без надежды, протягиваю руку.

— *Подайте… на хлеб…* — хриплю я.

Голос осипший от холода и бесполезных просьб.

Люди идут мимо.

Взгляды скользят по мне, как по грязной луже, которую нужно обойти.

Невидящие. Неслышащие.

Я уже почти не чувствую унижения, только тупое, животное отчаяние.

Ещё час — и сил протягивать руку не будет.

Что потом? Кража? А если поймают? Опять детдом, а потом снова сюда, но уже слабее…

И вдруг — рядом останавливается тень.

Длинная, чёрная. Автомобиль.

Он притормаживает так тихо, что я не сразу осознаю звук двигателя, заглушённый шумом дождя.

Я инстинктивно отпрыгиваю, прижимаясь к стене.

Из таких машин выходят важные люди, а важные люди не любят, когда возле их дорогих колёс торчат грязные попрошайки.

Заднее стекло плавно опускается. И там… он.

Не бог и не дьявол. Просто человек.

Его лицо непроницаемо, как маска.

Но глаза… глаза живые.

И они смотрят прямо на меня. Не сквозь, не мимо. На меня.

В них нет ни жалости, ни брезгливости.

Есть холодный, аналитический интерес. Как будто он рассматривает не человека, а странный, поломанный, но любопытный механизм.

— *На хлеб просишь?*— спрашивает он. Голос ровный, без эмоций, но очень чёткий. — *Значит, голодная. Пойдём, накормлю.*

Мой мозг, заторможенный холодом и голодом, срабатывает на уцелевшем уличном рефлексе.

Я вжимаюсь в стену сильнее, выдавливаю из себя хриплый, агрессивный шёпот:

— *Ага, чего захотел! Грязный развратник! Сейчас я прям так и сяду к тебе в машину. На коленки, может, сразу?!*

Я жду, что он нахмурится, скажет что-то грубое, что стекло взмоет вверх, а машина исчезнет.

Но он… смеётся.

Это не добрый смех. Он короткий, сухой, как щелчок замка. Холодный, как этот дождь. Но в нём нет злобы. Есть какая-то… искренность.

Меня это поражает сильнее любой угрозы.

Он кивает куда-то через улицу, в сторону яркой вывески.

— *Иди туда*, — говорит он. — *Там людно. Окна во всю стену. Безопасно для тебя, раз ты меня боишься. Садись за столик у окна. Я зайду, заплачу. Ешь, что хочешь.*

Он говорит это так просто, как будто предлагает коллеге чашку кофе.

Без давления. Без уговоров.

Просто констатация: ты голодна, вот место, где тебя накормят.

Страх ещё держит меня.

Но голод сильнее. Сильнее страха, сильнее гордости, сильнее всего.

Я бросаю взгляд на вывеску, на его каменное лицо, и, не сказав ни слова, перебегаю улицу.

Внутри пахнет жареной картошкой, котлетами и теплом. Пахнет раем.

Я, мокрая и грязная, протискиваюсь к столику у огромного окна, выходящего на площадь.

Через минуту входит он. Не спеша.

Снимает пальто, под которым идеальный костюм.

Он выглядит здесь так же чуждо, как павлин в курятнике.

Он подходит к кассе, что-то говорит, платит, и через мгновение ко мне подходит растерянная девочка-кассир и ставит на стол поднос.

На нём ВСЁ.

Два бургера, картошка фри, наггетсы, яблочный пирог, два стакана с колой. Целое богатство.

Я не помню, как ем.

Помню только, что сначала глотаю судорожно, большими кусками, боясь, что вот-вот всё исчезнет.

Потом, когда первый жуткий спазм проходит, я начинаю есть медленнее, чувствуя, как тепло и калории растекаются по моему ледяному телу.

Он сидит напротив, не притрагиваясь к еде. Не пялится.

Он смотрит в окно на свой чёрный автомобиль, изредка бросая на меня тот же оценивающий, бесстрастный взгляд.

Когда я допиваю последние капли колы и облизываю пальцы от соли, он говорит:

— *Приходи завтра. В это же время. Сюда.*

И уходит.

Не спрашивает имени.

Не интересуется, где я живу.

Просто оставляет инструкцию, как автомат.

Я прихожу.

На следующий день, и через день.

Он там.

Каждый раз оплачивает огромный поднос еды.

Сначала мы молчим.

Я ем, он смотрит в окно.

Потом, на третий или четвёртый раз, он спрашивает:

— Почему не воруешь? Было бы эффективнее, чем просить.

Я, с набитым ртом, пожимаю плечами.

— В детдоме я уже была. Там кормят, но там… клетка. На улице холодно и голодно, зато свободно. А если воровать и попасться — посадят. Там ещё хуже, чем в детдоме. Неэффективно.

Он кивает, как будто я выдаю сложную финансовую формулу.

В его глазах мелькает одобрение. Не эмоциональное, а интеллектуальное. «Верный расчёт».

С этого дня мы начинаем… болтать.

Вернее, он задаёт вопросы. Странные, взрослые вопросы. «Как думаешь, почему люди подают одним и проходят мимо других?», «Если бы у тебя было сто рублей, что бы ты купила в первую очередь — еду, носки или книжку?», «Как обмануть соцработницу, чтобы она не вернула тебя родителям?»

Он слушает мои уличные, циничные ответы с тем же вниманием, с каким профессор слушает доклад аспиранта.

Проходит две недели наших странных обедов.

В тот день дождя нет, светит холодное весеннее солнце.

Он отодвигает от себя пустой стакан и говорит совсем просто, как о погоде:

— Ты способная. У тебя есть ум и воля. Здесь они сгниют. Хочешь учиться? По-настоящему. В хорошей школе. Сначала в Англии, потом, возможно, в Швейцарии. Всё будет оплачено: учёба, одежда, жильё.

Я замираю, кусок пирога застревает в горле.

— Авзамен? — выдыхаю я, уже зная, что за всем стоит цена.

Он наклоняется чуть ближе через стол. Его ледяные глаза становятся ещё острее.

— Взамен ты станешь моим инструментом. Самой острой и точной рукой. Ты будешь учиться не для себя. Ты будешь учиться для меня. Чтобы однажды решать задачи, о которых эти люди, — он кивает на толпу за окном,*— не могут даже помыслить. Это предложение. Ты можешь отказаться. И продолжить стоять на Пушкинской. Или… сделать шаг в другой мир. Решай.*

Он не давит. Он просто излагает условия. Как инженер чертит схему.

Я смотрю на свои грязные руки, на остатки еды на подносе, на его безупречно чистые манжеты.

Мир за окном серый, холодный и голодный.

Мир, который он предлагает, немыслим, пугающ и пахнет не жареной картошкой, а властью. Но это выход. Единственный.

— Я согласна, — говорю я тихо, но чётко.

Нет дрожи в голосе, только холодная решимость.

Он кивает, удовлетворённо.

— Хорошо. Завтра здесь же, в это же время. Тебя заберут. Больше на эту площадь тебе возвращаться не придётся.

— А как вас зовут? — спрашиваю, глядя прямо в глаза.

Он замирает на мгновение. Секундная пауза, за которой — целая вечность его жизни, о которой я ничего не знаю.

— Игорь Александрович Воронов, — произносит он спокойно, без пафоса. Будто называет цену на хлеб или погоду за окном.

Я молчу, переваривая. А он уже разворачивается, делая шаг прочь.

— Игорь Александрович, — окликаю его.

Он оборачивается через плечо.

— Зачем я вам?

Он смотрит на меня долго, изучающе. Словно решает, достойна ли я ответа.

— Ты не боишься, — наконец говорит он. *— Не того, чего надо бояться. Ты видишь дальше своего носа. А таких, как ты, в этом мире единицы. Ты построишь новый мир. А не доешь остатки старого.*

И уходит. Не прощаясь. Не оглядываясь.

Я остаюсь одна. В сером, холодном, голодном мире. С именем на губах: Воронов. Чувствуя нечто новое — ледяную тяжесть выбора и начало новой, совсем другой жизни.

Выбора, по сути, нет. Но даже если бы был – я бы согласилась.

Я нутром чую в этом выходе из дерьма шанс не просто выжить, а получить силу.

Ту самую, что у человека в чёрной машине.

Я тогда… иду попрощаться. С родителями. Боюсь. Как я им скажу, что уезжаю? Куда, с кем — неизвестно. Я и сама не знаю.

Дверь в нашу квартиру даже не заперта.

Я вхожу.

И сразу — этот гудёж на весь квартал.

Пьяный угар, смрад немытого тела и дешёвого портвейна.

Отец храпит, свалившись на матрас.

Мать сидит на краю, качается. Она поднимает на меня мутный взгляд, долго соображает, кто я такая.

И вдруг — как пружина, вскакивает. Шатаясь, подходит, хватает меня за запястье так, что кости хрустят. Её пальцы липкие, холодные. Перегаром воняет за версту.

Она тянет меня к себе, и её шёпот — сиплый, хрипящий — обжигает ухо:

— Дочь! Я… я забираю свои слова назад! Слышишь? Забираю! Твои мозги… — она икает, давится смешком, *— твои мозги принесли нам не проблемы… а деньги! Много денег! Он дал… Он всё устроил. Всё! Мы подписали… Ты теперь его. Ты поняла? Его проблема.*

Она тычет пальцем куда-то в угол, где валяются пустые бутылки и смятые купюры. Её глаза блестят лихорадочным, алчным огнём пьяницы, нашедшей под забором клад.

Всё внутри меня обрывается и застывает.

Страх испаряется.

Остаётся только лёд. Яркий, режущий, абсолютный.

Они просто продали меня.

Воронов им заплатил.

За документы, за разрешение вывезти.

Я — не дочь.

Я — товар, который наконец-то удалось сбыть с прибылью.

Я резко дёргаю руку. Её пальцы разжимаются.

Я не смотрю на неё, на этого бесформенного человека на матрасе.

Разворачиваюсь и выбегаю. Выбегаю из этого ада навсегда.

Больше я там не появлюсь. Никогда. И даже… не хочу ничего знать. Пусть сгниют в своих деньгах.

Эту ночь я провожу в парке, в детском домике на игровой площадке. Забиваюсь в самый тёмный угол, поджимаю ноги и не сплю. Слушаю, как ветер гуляет в пластиковых трубах. Чувствую не боль, а пустоту. Чистую, как выжженное поле. Так даже лучше.

А на следующий день, ровно в назначенное время, я стою у того же столика в кафешке. Внутри всё сжато в тугой, стальной комок.

Она подходит бесшумно.

Я замечаю её сначала краем глаза — тёмно-синее шерстяное пальто прямой, строгой формы, шляпка с маленькими полями.

Женщина лет пятидесяти, не больше. Чёткие, сухие черты, собранные в тугой пучок седые волосы, гладко зачёсанные ото лба. На нём — ни морщинки волнения, ни тени любопытства. Глаза светло-серые, как мокрый асфальт, смотрят на меня с тем же аналитическим спокойствием, с каким смотрел сам Воронов.

Но в её взгляде нет его хищной силы. Есть только абсолютная, бездушная компетентность.

Она похожа на очень дорогой, идеально отлаженный прибор.

— *Арина*? — голос у неё низкий, ровный, без интонаций. — *Меня зовут Элеонора Сергеевна. Теперь я буду отвечать за тебя. Пойдём.*

Она не предлагает мне еды, не задаёт вопросов. Просто разворачивается и идёт к выходу, уверенная, что я последую. Я следую.

Чёрный автомобиль, не тот, а другой, тоже дорогой, но менее броский, ждёт у обочины.

Она открывает дверь, жестом приглашает меня внутрь.

Мы едем в молчании.

Я смотрю в окно, вижу, как знакомые грязные улицы сменяются широкими проспектами, а потом — тихими, охраняемыми переулками.

Дом Воронова — не дом. Это особняк, спрятавшийся за высоким, глухим забором из тёмного кирпича.

Ворота бесшумно разъезжаются.

Мы въезжаем на территорию, выложенную идеально ровной брусчаткой.

Сам дом — строгая, классическая постройка из светло-серого камня. Ничего лишнего, никаких завитушек. Много высоких, узких окон.

Он не кричит о богатстве. Он просто дышит им.

Тишиной, порядком и абсолютной, недосягаемой силой.

Внутри пахнет деревом, воском для паркета и холодным, фильтрованным воздухом.

Всё здесь монументально и безжизненно: тяжёлые дубовые панели на стенах, мраморный пол в холле, огромная, пустая лестница, уходящая наверх.

Ни одной личной вещи, ни одной фотографии.

Как в музее или в очень дорогом отеле, где никогда не живут.

Элеонора Сергеевна снимает пальто, вешает его в шкаф.

— *Твоя комната на втором этаже. Там есть всё необходимое. Одежда уже подобрана по твоим размерам. Сейчас ты примешь ванну, переоденешься. Через час — ужин в столовой. Завтра начнутся твои первые занятия: английский язык и правила этикета.*

Она говорит это, глядя прямо на меня, но как будто читая инструкцию с листа.

Во мне не возникает ни капли тепла или благодарности.

Есть только понимание: я попала в машину.

И эта женщина — одна из её безупречных, смазанных шестерёнок.

Здесь не будет места ни жалости, ни ласке.

Здесь будут только правила, дисциплина и цель.

Я поднимаюсь по лестнице, моя рука скользит по холодной, полированной поверхности перил.

Вхожу в свою комнату.

Она большая, светлая, безупречно чистая.

Кровать с тёмным деревянным изголовьем, строгий письменный стол, шкаф.

На кровати аккуратно разложена стопка новой одежды: простая, качественная, тёмных цветов. Ничего яркого, ничего лишнего.

Сначала я просто стою на пороге.

А потом — будто плотину прорывает.

Эта комната… она вся МОЯ.

Никто не будет здесь орать, никто не полезет пьяным, не украдет последнюю пару носков.

Я вбегаю внутрь, бегу к кровати и падаю на неё лицом вниз.

Матрас! Он мягкий, пружинит, пахнет чем-то чистым, как ветер после грозы.

Я переворачиваюсь на спину и смотрю на высокий белый потолок. Тишина. Не пугающая, а… густая, бархатная.

Соскакиваю, открываю шкаф.

Всё висит ровно. Джинсы, юбки, блузки, свитера. Всё новое, целое, без дыр и пятен.

Я трогаю ткань, прижимаю к лицу. Она пахнет не помойкой и сыростью, а магазином.

Я открываю ящик стола — там лежат карандаши, ручки, тетради с ровными, чистыми листами. Богатство. Несметное богатство.

Потом я вижу дверь в ванную. Захожу.

Она вся из белого мрамора и блестящего хрома.

Огромная ванна на ножках, как в старых фильмах.

Я долго кручу краны, пока не добиваюсь нужной температуры. Вода льётся громко, пар поднимается к потолку.

Я скидываю свою старую, вонючую одежду в угол и погружаюсь в воду с головой.

Тепло. Оно обволакивает, проникает в каждую клетку, разжимает сведённые от холода мышцы.

Я лежу, смотрю на свои пальцы — они сморщиваются, но грязь из-под ногтей исчезла.

Натираюсь мылом, которое пахнет хвоей, мою голову шампунем, от которого волосы становятся скрипучими и послушными.

Я могу лежать здесь вечно.

Когда вода начинает остывать, я вылезаю, заворачиваюсь в огромное, пушистое полотенце.

На стуле уже лежит сложенная пижама — шёлковая, тёмно-синяя.

Я надеваю её. Ткань скользит по телу, холодная и гладкая, как вода.

И снова падаю на кровать, утопаю в матрасе, в подушках. Закрываю глаза. Утопия. Это и есть оно.

И тут — стук в дверь. Точный, негромкий. И голос. Ровный, без эмоций.

— *Арина. Ужин через пять минут в столовой.*

Голос Элеоноры Сергеевны.

Я соскакиваю с кровати. Пижама так приятна! И я такая чистая!

Мне хочется, чтобы он, Воронов, увидел меня вот такой — чистой, в новой пижаме, уже не вонючей уличной крысой.

Я выскальзываю из комнаты и бегу по лестнице вниз, едва касаясь босыми ногами прохладного дерева ступеней.

Внизу стоит Элеонора Сергеевна.

Её взгляд скользит по мне — от мокрых волос до шёлковых штанин пижамы.

— *Стоп, Арина.*

Я замираю на последней ступеньке.

— Вернись наверх и переоденься. В платье или в блузку с юбкой. В пижаме к столу выходить неприлично.

Её голос не повышается. В нём нет ни раздражения, ни насмешки. Только констатация правила, ясного, как таблица умножения.

Моя радость на секунду спотыкается.

Я чувствую, как по щекам разливается краска — не от стыда, а от досады.

Киваю, коротко, и бегу обратно наверх. Шёлк пижамы теперь кажется мне какой-то обидной детской пижамкой.

Через пять минут я спускаюсь снова. Теперь на мне простое тёмно-синее платье, похожее на то, что на ней, только короче. Босые ноги я спрятала в носки.

Столовая — это отдельная комната с огромным тёмным столом, на котором можно танцевать.

Накрыто только в одном конце.

Две тарелки, два прибора.

Элеонора Сергеевна указывает мне на место.

Садится напротив.

Я смотрю на дверь, жду. Она кладёт на колени белую льняную салфетку. Я неуклюже повторяю это движение.

— *А где… дядя Игорь*? — спрашиваю я наконец. Голос звучит громче, чем я хотела.

Элеонора Сергеевна не поднимает глаз от своей тарелки, куда бесшумная женщина в фартуке только что положила кусок запечённой рыбы.

— Игорь Александрович редко бывает здесь. У него много работы. Ты будешь видеть его по необходимости. Теперь твой распорядок — моя ответственность.

Потом она кладёт вилку, берёт нож. И начинает говорить, медленно, чётко, как диктор.

— Урок первый. Столовые приборы. Это не оружие и не лопатки. Их держат вот так. Вилкой помогают ножу, а не наоборот. Хлеб отламывают, а не откусывают. Салфетка на коленях нужна для того, чтобы промокнуть губы. Не для того, чтобы вытирать руки или сморкаться. Понятно?

Я смотрю на свой нож и вилку. Они кажутся мне вдруг скользкими и опасными.

Я киваю.

Она делает всё движения плавно, без суеты.

Я копирую.

Ловлю её оценивающий взгляд. Это не взгляд человека. Это взгляд контролёра качества, который проверяет деталь на соответствие чертежу.

Я ем. Рыба тает во рту, она нежная, с какими-то травами. Но я почти не чувствую вкуса.

Чувствую только вес ножа в руке, положение локтей, и её ледяные, серые глаза, которые видят каждую мою ошибку. Даже если я её ещё не совершила.

Это не ужин. Это первое испытание. И я понимаю, что ванна, пижама, мягкая кровать — это была не утопия. Это была красивая, чистая клетка. А теперь началась дрессировка.

Ужин заканчивается.

Элеонора Сергеевна кладёт салфетку рядом с тарелкой — аккуратно, не сминая.

Я сразу повторяю это движение.

Она кивает, один короткий, деловой кивок.

— Завтрак в семь. Ты проснёшься в шесть тридцать, чтобы привести себя в порядок. Свет после десяти вечера гасится. Всё понятно?

— Всё понятно, — говорю я.

— Тогда доброй ночи.

Она встаёт и выходит, не оглядываясь. Её шаги беззвучно растворяются в коридоре.

Я сижу ещё минуту, глядя на крошки от хлеба на своей тарелке. Потом встаю, неловко несу свою тарелку на кухню, как делала это в детдоме.

Женщина в фартуке молча забирает её у меня из рук.

Я поднимаюсь по лестнице.

В комнате пахнет моим чистым телом, шёлком пижамы и свежестью.

Я гашу верхний свет, оставляю только маленькую лампу на тумбочке. Окно задернуто тяжёлой шторой, но я её отодвигаю.

За стеклом — тёмный сад и огни чужого, далёкого города. Мой город. Тот, из подъездов и грязи, — где-то там, вдали.

Я ложусь под одеяло. Ткань прохладна и мягка. Утопаю в матрасе, он обнимает меня со всех сторон.

Я ворочаюсь с боку на бок, ищу привычную жёсткость, но её нет. Только эта пугающая, податливая нежность.

Тишина.

Нет храпа за стеной, нет пьяных криков с улицы, нет скрипа кровати в соседней комнате детдома. Только собственное дыхание и тиканье каких-то часов.

Я закрываю глаза, и перед ними встаёт лицо Элеоноры Сергеевны.

Её голос: «Неприлично. Столовые приборы. Салфетка».

Потом лицо Воронова.

Его ледяные глаза: «Ты станешь моим инструментом».

Потом лицо матери, её алчный, пьяный шёпот: «Твои мозги… принесли деньги».

В груди что-то сжимается — колючее, знакомое. Но сегодня это не страх. И не горе. Это… решимость. Острая, как лезвие.

"Пусть клетка", — думаю я, глядя в потолок, где играют тени от уличного фонаря. "Пусть. Но она чистая. Тёплая. И в ней меня будут кормить. Он сказал — сделает из меня инструмент. Самый острый. Самый точный. Хорошо. Мне это… нравится".

Мысль обжигает.

Быть не человеком, не дочерью, не сиротой.

Быть вещью.

Но вещью ценной, сложной, нужной.

Такой, которую не выбросят в помойку.

Такой, которую берегут в футляре.

Я вспоминаю запах подъезда. Рвотную струйку на ступеньках. Хлюпанье воды в промокших кедах. Детдомовскую столовую — серую кашу, липкие ложки, тупые глаза над тарелками.

Здесь лучше.

Здесь я буду учиться.

Здесь я стану сильной.

Здесь мне дадут силу, чтобы никогда, НИКОГДА не вернуться туда.

Мне не жаль той дикой, грязной девочки с площади. Она была слабой. Она выживала.

Я буду жить. По новым правилам. Его правилам.

Я поворачиваюсь на бок, закутываюсь в одеяло с головой. Шёлк пижамы скользит по коже. В темноте, под тканью, я позволяю себе сжать кулаки. Не от страха. От сосредоточенности.

"Сделай из меня инструмент, дядя Игорь. Сделай. Я не подведу. Я научусь всему. Я буду самой лучшей".

И с этой мыслью, твёрдой и холодной, как камень в груди, я проваливаюсь в сон. Не в кошмар, а в чёрную, беззвёздную пустоту, где нет ни прошлого, ни жалости. Только будущее. И в нём — отточенная сталь.

Выбор без выбора

Луч света бьёт прямо в глаза.

Я зажмуриваюсь и отворачиваюсь, уткнувшись лицом в подушку.

— *Арина. Шесть тридцать. Подъём.*

Голос Элеоноры Сергеевны.

Никакой сонливости. Как будто она не спала, а стояла за дверью, сверяясь с секундомером.

Я вскакиваю.

На мгновение теряюсь — где я?

Высокий потолок, полумрак, бархатная тишина.

Потом память возвращается катком.

Дом. Мой дом. Клетка. Моя клетка.

— *Я уже проснулась!* — кричу я в дверь, голос срывается на хрип. Я спала с открытым ртом, горло пересохло.

Одеваюсь быстро, почти не глядя: простые тёмно-серые брюки, белая футболка, тёплый свитер. Всё новое, всё идеально по размеру.

Ощущение странное — ткань не топорщится, не жмёт. Она просто есть. Как вторая кожа.

В ванной я умываюсь ледяной водой, чтобы прогнать остатки сна.

Смотрю в зеркало на своё мокрое лицо.

Глаза слишком большие, в них всё ещё мелькает тень вчерашнего восторга и сегодняшней настороженности.

Я вытираюсь, приглаживаю мокрые волосы и выхожу.

Элеонора Сергеевна стоит в холле, будто и не двигалась с вечера. На ней другое платье, такое же строгое.

Она смотрит на меня, её взгляд скользит сверху вниз, проверяя. Очевидно, я прохожу.

— *Доброе утро, Арина.*

— *Доброе утро, Элеонора Сергеевна.*

Мой голос звучит тихо, но я держу спину прямо, как она.

Мы спускаемся вниз по лестнице.

— *Как тебе спалось?*

Вопрос поставлен ровно, из вежливости.

Мне вдруг хочется сказать что-то дерзкое, уличное, проверить, дрогнет ли это каменное лицо. Но вместо этого из меня вырывается что-то другое, детское, оставшееся от той девочки, что засыпала вчера с мыслями о принцессах.

— *Мне снилось, что я принцесса в замке,* — говорю я и сразу же кусаю язык. Глупость. Она сейчас фыркнет.

Но она не фыркает. Её тонкие брови чуть приподнимаются на миллиметр.

— *Это очень хорошо*, — произносит она, и в её голосе я ловлю не одобрение, а подтверждение: сны о принцессах соответствуют переходному периоду. — *Присаживайся*.

Завтрак уже стоит на столе в столовой.

Не такая помпезность, как вчера.

Просто тарелка с омлетом, идеально сложенный треугольник тоста, кусочек ветчины. Стакан апельсинового сока.

Я сажусь, сразу кладу салфетку на колени. Помню.

Элеонора Сергеевна ест молча.

Я стараюсь повторять её движения, но мой нож скрипит по тарелке. Она не поправляет. Пока не поправляет.

Когда она отпивает последний глоток кофе и кладёт чашку на блюдце, она смотрит на настенные часы, потом на меня.

— Сейчас у тебя первое занятие. Английский язык. У тебя есть двадцать минут до начала. Можешь пройтись по дому, осмотреться. Не опаздывай.

Она встаёт и ведёт меня в другую часть первого этажа, в крыло, которое я вчера не видела. Останавливается перед дверью из тёмного дерева.

— Вот здесь. Это твоя комната для занятий. Ты будешь заниматься здесь ежедневно, по шесть-восемь часов. Первые четыре месяца — только интенсивный английский. Чтобы с сентября, с начала нового учебного года, ты смогла учиться в Англии.

Она делает небольшую паузу.

Англия. Учёба.

Это были абстрактные понятия в его устах на площади.

Теперь они обретают форму — вот эта дверь.

— Игорь Александрович оплатил тебе место в престижной частной школе-пансионе. Экономический уклон. Чтобы там учиться, ты должна не просто знать грамматику. Ты должна думать, говорить и понимать на уровне носителя. Это не вопрос желания, Арина. Это вопрос необходимости.

Она поворачивается ко мне, и её светло-серые глаза становятся абсолютно ледяными.

— Ты будешь стараться изо всех сил. Если не будешь… тебя здесь никто держать не будет. Инвестиции должны окупаться. Тебя легко заменят. Помни это. Всё теперь — в твоих руках.

Она не говорит это со злостью.

Она говорит это как врач, констатирующий смерть: если перестанешь дышать — умрёшь.

Всё просто.

Я чувствую, как по спине пробегает холодная, тонкая игла. Не страх. Адреналин. Вызов.

Я киваю. Коротко, резко. Не опускаю глаз.

— Японяла.

Элеонора Сергеевна смотрит на меня ещё секунду, словно считывая код с только что запрограммированного устройства, и уходит. Её шаги затихают.

Я остаюсь одна в полутемном коридоре. Сердце стучит.

Легко заменят.

Эти слова жужжат в ушах, как оса.

Нет. Нет, нет, нет.

Я не иду сразу в комнату для занятий.

Я медленно иду назад, в гостиную, которую только мельком видела.

Комната огромная. Высокие окна от пола до потолка, затянутые полупрозрачным шёлком. Всё в оттенках бежевого, серого, тёмного дерева.

Громадный диван, на котором, кажется, может лежать десять человек.

Камин из чёрного мрамора, холодный и чистый.

На стенах — не картины, а какие-то абстрактные полотна, просто мазки цвета.

Здесь нет ничего личного. Ни одной безделушки, ни одной книги, валяющейся не на месте.

Стеллажи с книгами за стеклом выглядят как декорация из музея.

Всё дышит таким безупречным, ледяным порядком, что поначалу захватывает дух, а потом начинает слегка давить.

Это не дом для жизни. Это фон. Идеальный, безжизненный фон для таких людей, как Воронов.

Я подхожу к окну, смотрю в сад.

Утро серое, на голых ветвях деревьев блестит иней.

Где-то там, за высоким забором, шумит город. Мой старый мир.

Я оборачиваюсь, окидываю взглядом эту немую роскошь. И мысль приходит не как вспышка, а как медленно застывающая сталь в груди.

Я ночами не буду спать.

Я буду учить.

Я выучу этот проклятый язык так, что они примут меня за свою.

Я не собираюсь никуда отсюда.

И никому я это место не уступлю.

Я мысленно произношу это, сжимая кулаки в карманах брюк.

Это не детский каприз. Это клятва. Самая важная в моей жизни.

Он сказал — всё в моих руках.

Хорошо.

Значит, я сожму эти руки в кулаки и буду бить. Бить в книжки, в слова, в правила. Пока не выбью себе право остаться.

Эта комната, этот дом, этот шанс — они уже не просто подарок судьбы.

Они стали трофеем. Первым в моей жизни.

И я, как цепная собака, буду охранять его. Даже от призрака другой, более способной девочки, которая, как ей кажется, может занять моё место.

Я бросаю последний взгляд на гостиную, на этот символ всего, чего у меня никогда не было и что теперь должно стать моим по праву завоевания.

Потом разворачиваюсь и иду по коридору обратно. К той самой двери.

У меня есть двадцать минут.

Но я не хочу ждать.

Я не хочу «осматриваться». Я хочу атаковать. Сейчас же.

Я открываю дверь в комнату для занятий.

Внутри — не школьный класс. Это кабинет.

Большой стол, за ним — кожаное кресло. На столе — новенький ноутбук, стопка учебников, тетради, папки.

На стене — большая грифельная доска.

И тишина. Готовая быть нарушенной.

Я подхожу к столу, кладу ладони на гладкую, прохладную поверхность.

Я смотрю на обложку верхнего учебника: «Oxford Advanced Learner's Dictionary».

Оно моё.

Думаю я, и в горле встаёт комок не сентиментальности, а ярости. Яростной, жадной решимости.

Всё это теперь моё. И я ни за что не отпущу.

Я сажусь в кресло. Оно принимает форму моего тела.

Я открываю словарь на первой попавшейся странице. Буковки пляшут перед глазами, бессмысленные, чужие.

Ну что ж.

Мысленно говорю я им.

Познакомимся.

Я буду спать по четыре часа.

Я буду повторять слова, пока они не будут сниться.

Я заговорю на этом языке, даже если мне придётся разорвать для этого рот.

Я слышу, как в коридоре бьют часы. До начала занятия ещё пятнадцать минут. Но для меня оно уже началось.

Прямо сейчас.

Первый бой. И я не намерена его проигрывать.

Я сижу за столом, положив ладони на закрытый учебник.

Смотрю на дверь.

В груди — хорошо-знакомое, уличное ожидание перед дракой. Только противник теперь не пацан с арматурой, а какой-то невидимый «репетитор».

Что он будет делать?

Кричать?

Унижать, как учительница в детдомовской школе?

Ровно в восемь ноль-ноль дверь открывается.

Входит женщина. Молодая, лет тридцати.

В очках в тонкой металлической оправе, в строгой серой блузке и юбке.

Ни улыбки, ни приветствия.

Она несёт стопку книг и планшет.

Кладёт всё на стол, садится напротив.

Её глаза через стёкла очков — увеличенные, внимательные, как у насекомого.

— Доброе утро. Меня зовут Елена Витальевна. Я буду заниматься с тобой английским шесть дней в неделю. Сегодня мы проведём тестирование, чтобы определить твой текущий уровень. Скорее всего, он равен нулю. Это нормально.

Её голос ровный, профессиональный и абсолютно безразличный.

Она не спрашивает, как меня зовут. Она знает.

Она не интересуется, хочу ли я учиться. Это не имеет значения.

Она открывает планшет, включает запись.

— Повторяй за мной. Звуки. Вот этот. θ.

Она произносит что-то странное, будто шепелявя.

Я смотрю на её губы, пытаюсь скопировать. У меня выходит смесь свиста и плевка.

Она не морщится. Она просто качает головой.

— Неправильно. Язык между зубами. Снова. θ.

Мы тратим на этот один звук пятнадцать минут.

Мою челюсть сводит. Слюна скапливается во рту.

Я чувствую себя идиоткой.

Елена Витальевна бесстрастно повторяет, поправляет, снова повторяет. В её глазах нет ни терпения, ни нетерпения. Есть только процесс.

Потом она даёт мне лист.

— Напиши английский алфавит.

Я знаю буквы.

Я пытаюсь вывести A, B, C… Буквы получаются корявыми, пляшут.

Она молча наблюдает. Потом берёт другой лист.

— Сейчас я буду диктовать тебе слова. Пиши их так, как слышишь.

Она начинает диктовать. «Cat. Dog. House. Book».

Я пишу, как слышу: «Кэт. Дог. Хаус. Бук».

Она берёт лист, бегло просматривает. Никакой эмоции.

— Ты никогда не изучала язык. Фонетический слух присутствует. Письмо — на уровне дошкольника. Это отправная точка.

Она не говорит «это плохо» или «это хорошо». Она ставит диагноз.

Потом начинается ад.

Она открывает первую тетрадь, первый учебник. Объясняет, как строятся простейшие фразы.

«My name is Arina. I am ten years old.»

Объясняет один раз. Чётко, быстро.

Потом требует повторить. Требует написать. Требует составить три подобных предложения.

Мой мозг, привыкший схватывать уличные схемы — как отвлечь внимание, как обмануть, как открыть форточку, — вязнет в этом липком мёде правил.

Почему здесь «is», а тут «am»? Почему «old» присоединяется именно так?

Я задаю вопрос. Только один.

— *Почему*?

Елена Витальевна смотрит на меня.

— *Потому что это правило. Его нужно запомнить. Не «почему», а «как». Ты сейчас не для философии учишься. Ты для выживания. Дальше.*

Она выдаёт новую порцию.

Слова. Десять слов.

Требует их запомнить и написать через пять минут.

Пять минут!

Я впиваюсь глазами в строчки, шепчу их, будто заклинание. Table, chair, window, door…

Когда время выходит, я пишу.

Ошибаюсь в «window», пишу «windon».

Она молча подчёркивает ошибку красным.

Каждая красная черта — как удар плетью.

Не по самолюбию. По шансу. Тебя легко заменят.

Мы занимаемся три часа без перерыва.

Голова начинает раскалываться, глаза слипаются.

В детдоме урок длился сорок минут, и все их тупо пересиживали.

Здесь — нет.

Здесь каждая секунда — это давление.

Её монотонный голос, постукивание её карандаша по столу, тиканье часов на стене.

Она даёт мне первую пятиминутную передышку.

Я опускаю голову на стол, закрываю глаза. В ушах звенит.

Я чувствую, как подступает отчаяние.

Я ничего не успеваю.

Я тупая.

Она это видит. Скажет Воронову…

Я поднимаю голову и вижу её бесстрастный взгляд. Она поправляет очки.

— *Сложно*? — спрашивает она. Не из сочувствия. Из любопытства.

— *Нет*, — хриплю я. — *Всё нормально.*

— *Ложь*, — констатирует она. — *Но ложь — это тоже мотивация. Продолжаем.*

И мы продолжаем. Ещё два часа.

К концу я уже механически повторяю за ней фразы, руки сами выводят в тетради знакомые буквы.

Всё внутри превратилось в одно сплошное, болезненное напряжение.

Но я не плачу.

Я даже не хмурюсь.

Я просто впитываю.

Как губка, которую с силой сжимают, чтобы выжать из неё старую, грязную воду и впитать новую.

Когда часы бьют два, Елена Витальевна закрывает учебник.

— *На сегодня достаточно. Твоё домашнее задание: выучить эти сто слов и правила построения Present Simple. Завтра будет проверка и диктант.*

Она оставляет на столе стопку распечаток и встаёт.

— *Завтра в восемь. Не опаздывай.*

Она уходит так же тихо, как и появилась.

Я остаюсь сидеть за столом.

Пальцы дрожат от усталости. Горло пересохло.

На столе передо мной лежит груз в сто слов и грамматических правил. Невозможный груз.

Я медленно поднимаюсь, ноги ватные.

Иду к окну, упираюсь лбом в холодное стекло.

В саду grey, empty.

Внутри — тоже.

Но где-то там, на самом дне, под слоями усталости и головной боли, тлеет уголёк.

Неугасимый.

Три часа. Пять часов. Десять. Не имеет значения.

Она сказала — для выживания. Она права.

Это и есть драка. Только кулаками здесь служат слова.

И я буду бить ими. До крови. До победы.

Я отхожу от окна, возвращаюсь к столу. Сажусь.

Открываю первую распечатку. Беру ручку.

Ночь? Сон?

Нет.

Сначала эти сто слов.

Пока я не буду знать их с закрытыми глазами.

Пока они не станут частью меня.

Пока я не стану здесь незаменимой.

Тот мой первый день прошел в попытках понять, как сделать всё идеально. Наивная.

Последующие дни перестали иметь значение. Осталась только цель.

Эти две недели — не время.

Это каток.

Он медленно, неумолимо перемалывает каждый день в одинаковую густую кашу из звуков, букв, правил и неестественных поз.

Мой мир сузился до четырёх точек: спальня, классная комната, столовая, библиотека. Да, я нашла её.

На третий день, заблудившись в коридорах этого ледяного замка, я наткнулась на дверь с матовым стеклом.

Внутри — запах старой бумаги и тишина, ещё более глубокая, чем везде.

Полки до потолка.

Книги на непонятных языках, толстые тома в кожаных переплётах.

Это не похоже на детдомовский книжный шкаф с потрёпанными сказками.

Это храм. Храм какой-то другой, взрослой и чужой силы.

Я захожу туда каждый день ровно на десять минут — между грамматикой и уроком этикета.

Моё личное нарушение режима.

Я не читаю — я не успеваю, да и не смогла бы.

Я просто стою, касаюсь пальцами корешков, дышу этим спокойным, умным воздухом.

Это моя маленькая, украденная у этого дома тайна. Моя передышка в войне.

А война идёт на двух фронтах. Первый и главный — английский. Елена Витальевна — мой безжалостный стратег.

Мы прошли основы, сейчас вгрызаемся в грамматику.

Каждый день — новый список слов.

Не сто, как в первую ночь, а больше.

Я не «учу» их. Я их вбиваю. Как гвозди.

Я пишу их на карточках и расклеиваю по стенам в комнате.

Вижу их, когда просыпаюсь.

Повторяю, пока умываюсь.

Шепчу, спускаясь по лестнице.

Они становятся фоном, навязчивым мотивом.

Мои пальцы иногда сами собой выводят в воздухе буквы, когда я пытаюсь уснуть.

Второй фронт — Элеонора Сергеевна. После ужина — «практика».

Сегодня это сервировка стола, завтра — тонкости представления, послезавтра — язык тела.

Она разбирает каждое моё движение, как часовой механизм, и собирает заново, убирая «уличную» резкость, вставляя на её место выверенную, безжизненную плавность.

Руки не на стол. Локти прижаты. Взгляд — на собеседника, но не пристальный. Улыбка — не более чем намек.

Я чувствую себя манекеном, которого наряжают и двигают. Но я молча принимаю это. Потому что каждое исправленное движение — это шаг прочь от той грязной девочки с площади.

В комнате я почти не живу. Я в ней работаю.

Отрабатываю перед зеркалом «естественные» жесты.

Пишу, читаю, зазубриваю.

Кровать — это просто место, где тело отключается на четыре-пять часов, прежде чем будильник выдернет меня обратно в бой.

Иногда я засыпаю прямо за столом, щекой на раскрытом учебнике, и просыпаюсь от того, что рука затекла, а под щекой — мокрое пятно от слюны.

Я не скучаю по старому. У меня нет на это энергии.

Я не думаю, нравится мне это или нет. Это просто есть. Как закон тяготения.

Моя новая реальность — это график, давление, холодная оценка и тихая, яростная решимость не дать им повода усомниться в своём выборе.

Не дать ему усомниться, когда он приедет.

Эти две недели не изменили меня. Они отшлифовали. Стерли всё лишнее, мягкое, детское.

Оставили только жёсткую, гранёную сердцевину — волю. И она с каждым днём становится только острее.

Я глотаю их правила и их слова не для них. А для того часа, когда я буду настолько сильна, что само это место, этот шанс, станут неотъемлемой частью меня.

А пока что — эти десять украденных минут в библиотеке и жгучее удовлетворение от идеально поставленной по этикету вилки — мои единственные, скупые доказательства, что я всё ещё жива и я всё ещё — я. Та, кто не сдаётся.

Сегодня, во время диктанта, Елена Витальевна сделала паузу, посмотрела на мою тетрадь, и я поймала в её всегда бесстрастных глазах быстрый, как вспышка, проблеск. Не улыбки. Удивления.

— *Ты допустила только две ошибки,* —сказала она, проверяя работу. — *В прошлый раз было семнадцать. Ты… схватываешь всё на лету.*

Это была высшая форма похвалы.

Но для меня она значила больше, чем любые восторги.

Я кивнула, стараясь сохранить такое же невозмутимое лицо, как у неё.

Внутри же что-то ёкнуло — победа. Маленькая, но победа.

Вечером, как обычно, я спускаюсь к ужину, ожидая очередную порцию бесстрастных наставлений от Элеоноры Сергеевны.

Но, подходя к столовой, замечаю сквозь полуоткрытую дверь: за столом незнакомый силуэт.

Мужской силуэт.

Широкие плечи в тёмном пиджаке. Голова, склонённая над тарелкой.

Сердце у меня на секунду замирает, потом начинает биться часто-часто, не от страха, а от резкого, холодного сосредоточения.

Это он. Воронов.

И сейчас я должна ему показать. Не ту голодную, дрожащую попрошайку с площади.

Арину. Ту, что он купил. Ту, что он растит.

Я делаю глубокий вдох, расправляю плечи, как учила Элеонора Сергеевна — осанка, и вхожу.

Он поднимает глаза. Те самые, ледяные, аналитические. Я останавливаюсь у своего стула.

— Добрый вечер, Игорь Александрович. Добрый вечер, Элеонора Сергеевна.

Голос не дрожит. Звучит чётко. Я помню, как надо.

Элеонора Сергеевна едва заметно кивает.

Он — смотрит. Молча. Потом жестом указывает на стул.

— Садись, Арина.

Я сажусь, аккуратно кладу салфетку на колени.

Начинаю есть.

Держу вилку и нож именно так, как было вбито в меня за эти дни.

Не смотрю на него, но каждым нервом чувствую его взгляд на себе. Он изучает. Как всегда.

— Элеонора Сергеевна докладывает о твоём прогрессе, — говорит он наконец. Его голос заполняет тишину, режет её, как в тот дождливый день на площади. *— Говорит, ты проявляешь… незаурядное усердие.*

Я откладываю нож и вилку, кладу руки на колени. Смотрю ему прямо в глаза.

— У меня нет выбора, Игорь Александрович. Чтобы быть полезной, нужно соответствовать. Я это понимаю.

Он откидывается на спинку стула, пальцы складывает домиком. Кажется, уголки его губ подрагивают.

— «Понимаю» — это хорошо. А что конкретно ты понимаешь?

Вызов.

Он проверяет не знание этикета, а мозги.

Я чувствую азарт, знакомый по уличным разборкам.

— Я понимаю, что английский — это ключ. Ключ от школы, которую вы оплатили. Ключ от мира, где нужно будет действовать. Язык — это не просто слова. Это код. А чтобы взломать чужую систему, нужно знать её код изнутри.

Он слушает, не шелохнувшись. Элеонора Сергеевна сидит, как изваяние.

— Продолжай.

— Я понимаю, что «усердие» — это минимум. Это база. Вы не за базу платите. Вы платите за результат. Результат будет. Я его обеспечу.

Он смотрит на меня ещё несколько секунд.

И тогда я вижу это. Не улыбку. Не одобрение.

А то, что страшнее и ценнее.

На его обычно непроницаемом лице появляется… удовлетворение.

Как у инженера, который только что запустил сложный механизм и убедился — расчёты верны, всё работает как надо.

— *Хорошо*, — произносит он.

Одно слово. Но в нём — целый мир. Он доволен.

— *Элеонора Сергеевна, увеличь нагрузку по грамматике на два часа в неделю. И добавь аудирование с носителем.*

— *Сделаю, Игорь Александрович*, — звучит её немедленный, чёткий ответ.

Он возвращается к еде.

Разговор, казалось, окончен.

Но для меня это был не разговор.

Это был экзамен. И я чувствую — сдала.

Мы доедаем в почти полном молчании. Когда он встаёт, я тоже встаю.

— *Спокойной ночи, Арина,*— говорит он. — *Учись.*

— *Спокойной ночи, Игорь Александрович. Благодарю вас.*

Я почти не думала над словами. Они вышли сами.

«Благодарю вас». Не «спасибо». Именно так. Формально, уважительно.

Я вижу, как его взгляд ещё раз на миг задерживается на мне, прежде чем он разворачивается и выходит.

Элеонора Сергеевна смотрит на меня. В её серых глазах — ничего. Ни гордости, ни раздражения.

— *Завтра расписание изменится. Тебе сообщат. Спокойной ночи.*

Я поднимаюсь в свою комнату. Но я не ложусь.

Я сажусь за стол, открываю учебник. В голове стучит только одна мысль.

Он не разочарован.

Он поставил на ту.

На меня.

И он доволен ходом игры.

Это не тепло. Это что-то острее. Это власть.

Маленькая крупица власти над его ожиданиями.

Я должна её удержать. Умножить.

Перед сном я подхожу к окну.

Вижу внизу, во дворе, его чёрный автомобиль.

Он ещё здесь. Но я знаю — утром его уже не будет.

Он появится снова только тогда, когда сочтёт нужным проверить свой «инструмент» на наличие сколов и ржавчины.

Ложусь в постель, но сон не идёт.

Я смотрю в потолок и чувствую во рту странный привкус. Не голода, не страха. Привкус стали. Привкус правильного пути.

Он улыбался.

Значит, я на верной дороге.

Значит, всё это — не зря.

Значит, это место всё больше становится моим.

И с этой мыслью, холодной и твёрдой, как клинок, я наконец закрываю глаза.

Утро будет ранним.

А нагрузка — больше на два часа.

И это прекрасно.

Я больше не тону. Я плыву. К цели.

Прошла неделя с того ужина.

Новое расписание вбито в меня, как гвозди в стену.

Шесть часов общего английского с Еленой Витальевной. Два дополнительных часа грамматики.

И новое — аудирование с носителем.

Первый урок начался с экрана ноутбука.

На связи — женщина из Лондона, Клара. Ей за пятьдесят, у неё доброе, морщинистое лицо на экране и совершенно безумная, быстрая речь, в которой все слова слипаются в один длинный, певучий поток.

Я слушала, и внутри всё сжималось в комок паники.

Я не понимала НИЧЕГО. Ни единого слова. Только этот бурлящий поток звуков.

Клара, видя моё потерянное лицо, улыбнулась и замедлилась.

Но даже её «замедленная» речь казалась мне скоростью света.

Она показывала картинки, называла предметы, задавала простые вопросы, ждала ответа.

Мне приходилось выдавливать из себя односложные «yes» или «no», чувствуя себя полной идиоткой.

Казалось, все успехи у Елены Витальевны были иллюзией. Здесь, в живой речи, я снова была нулём.

После сеанса я сидела, тупо уставившись в чёрный экран, с мокрыми от напряжения ладонями.

Это был новый, более глубокий уровень ада.

Но и новый вызов.

Я заставлю себя понять.

Я разорву этот поток на куски и проглочу.

И этикет. После ужина, вместо того чтобы просто отпустить меня, Элеонора Сергеевна оставляет меня в гостиной на «практику».

Сегодня — тема: «Ведение светской беседы и язык тела».

— *Встань*, — говорит она.

Я встаю посреди огромной, безжизненной комнаты.

— *Представь, что ты на приёме. К тебе подходит незнакомый человек. Твоя поза?*

Я стою, как вкопанная, руки по швам.

— *Слишком напряжённо, как солдат на поверке. Ты должна выглядеть собранной, но расслабленной. Плечи назад. Подбородок чуть приподнят. Вес равномерно на обе ноги. Одну руку можно свободно опустить вдоль тела, в другой — воображаемый бокал. Покажи.*

Я пытаюсь. Получается неестественно, скованно.

— *Ты думаешь о каждом движении. Это видно. Доведи до автоматизма. Пока это не станет твоей второй натурой. Продолжаем. Ты здороваешься. Рукопожатие.*

Она протягивает руку. Я пожимаю её.

— *Слишком вяло. Твоё рукопожатие должно быть уверенным, кратким, сухим. Не размахивай рукой, как тряпкой. Снова.*

Мы жмём друг другу руки десять раз подряд, пока её холодные пальцы не удовлетворятся силой и продолжительностью моего захвата.

— *Теперь беседа. Я — жена делового партнёра. Я спрашиваю: «Какая очаровательная погода сегодня, не правда ли?». Твой ответ?*

Я молчу, тупо смотря на неё. О погоде? Что я могу сказать о погоде?

— Не молчи. Даже самая пустая фраза лучше паузы. Улыбнись вежливо и согласись: «Да, действительно, солнечный день задаёт прекрасное настроение». Или, если на улице дождь: «Зато так уютно внутри». Суть не в погоде. Суть в том, чтобы поддержать контакт, показать себя приятным, неконфликтным собеседником. Повтори.

Я повторяю фразу про солнечный день. Голос звучит фальшиво.

— Эмоции в голосе. Не монотонно. Ты не робот. Ты демонстрируешь лёгкую, позитивную социальную вовлечённость. Ещё раз.

Это продолжалось час.

Каждый жест, каждый взгляд, каждая интонация разбирались, как чертёж, и собирались заново по её лекалам.

К концу я чувствовала себя марионеткой со срезанными нитями — уставшей и разобранной на части. Но в голове чётко откладывались алгоритмы: поза, жест, улыбка, нейтральная тема.

Занятия закончились.

Я зашла в свою комнану, я не бросилась сразу к учебникам.

Я подошла к зеркалу в полный рост, что было в гардеробной.

Включила свет.

Смотрела на своё отражение.

Девочка в дорогой, но простой одежде. Лицо бледное, под глазами тени от недосыпа.

Но глаза...

В них уже не было того дикого, животного испуга. Был холодный, сосредоточенный огонь.

Я подняла подбородок. Отвела плечи назад. Свободно опустила одну руку. Представила бокал в другой. Уголки губ приподняла в ту самую «лёгкую, социальную» улыбку, которую требовала Элеонора.

*— Yes, indeed, the weather is quite charming, (*Да, действительно, погода просто чудесная)— сказала я отражению на чистом, выученном английском, стараясь вложить в голос те самые «эмоции».

Отражение кивнуло мне.

Оно казалось чужим. Но сильным. Таким, каким должно было быть.

Я повернулась от зеркала.

На столе ждали стопки учебников, распечатки от Клары с пометками, где я вообще ничего не разобрала, и конспекты по этикету.

Комната больше не была просто спальней.

Она стала казармой, лабораторией и полигоном одновременно.

Я села за стол.

Усталость давила на виски тяжёлой плитой.

Голос Клары звенел в ушах бессмысленным потоком.

Правила Элеоноры Сергеевны путались в голове.

Но где-то глубоко внутри, под всеми этими слоями новой информации, дрессировки и усталости, горела одна простая, ясная мысль, как сигнальный огонь в шторм:

Всё это — мой шанс. Аудирование, этикет, грамматика. Каждая непонятая фраза, каждое отработанное рукопожатие — это кирпичик. Кирпичик в стене, которую я строю между собой и своим старым миром. Стену, через которую меня уже никогда не выдернут обратно.

Я открыла тетрадь с аудированием.

Включила запись Клары. Включила снова. На этот раз — с субтитрами.

Я буду слушать, пока мой мозг не начнёт сам выхватывать знакомые слова из этого водоворота. Пока не поймёт. Пока не победит.

За окном давно стемнело.

В доме стояла гробовая тишина.

Но в этой комнате шла война. Тихая, упорная.

И я была полна решимости её выиграть.

Ради его удовлетворённой полуулыбки.

Ради своего будущего.

Ради того, чтобы это место, этот шанс, эта новая, стальная кожа — навсегда остались моими.

Проходит месяц.

Не тридцать дней, а тридцать одинаковых, выточенных из гранита циклов: сон, уроки, этикет, зубрёжка, короткий побег в библиотеку, снова зубрёжка.

Но внутри этой монотонной машины происходит тихая революция.

Её имя — аудирование.

Сначала была только Клара с её лондонской размеренностью.

Потом, ровно через неделю, её сменяет молодой парень из Манчестера — Джейк. Его речь быстрее, она глотает окончания, насыщена странными словечками вроде «mate» и «cheers» («Приятель» и «Ваше здоровье!»)

Я слушаю первый раз и снова погружаюсь в панику. Это будто другой язык!

Но нет, те же слова, та же грамматика, просто спрессованная и окрашенная иным акцентом.

Мой мозг, уже настроенный на частоту Клары, бунтует, но через несколько сеансов начинает подстраиваться. "Хорошо", — думаю я тогда. Значит, ухо можно натренировать, как мышцу.

На следующей неделе пожилая леди из Эдинбурга, миссис Кэмпбелл. Её шотландское «р» звучит, как рычание, а некоторые фразы для меня — полная загадка.

Потом — деловая женщина из Нью-Йорка, чья речь резкая, как удар трости по асфальту, и полна идиом из мира финансов.

Подросток из Калифорнии, сыплющий сленгом, который я потом отдельно выписываю и ищу в словарях.

Каждый новый голос — это новая битва.

Я сижу перед экраном, стиснув кулаки, вслушиваюсь не в смысл — его сначала нет, — а в ритм, в интонацию, в музыкальность речи.

Я включаю субтитры, выключаю их, снова включаю.

Я повторяю фразы за ними, коверкая собственный язык, пытаясь скопировать не только звук, но и эту странную, чужую мелодию.

И в один день, разговаривая с Джейком, я вдруг понимаю, что не просто угадываю слова по контексту.

Я слышу их.

Я ловлю шутку, которую он вбрасывает почти небрежно. И я смеюсь. Не потому что надо, а потому что становится смешно.

Он улыбается в ответ и говорит:

— *See? You're getting it, mate!* (Видишь? У тебя всё получается, дружище!)

Это первая микроскопическая победа. Не над языком. Над собственным мозгом, над его сопротивлением.

Потом начинаются первые диалоги. Не просто ответы «yes/no», а попытки что-то сказать самой.

Я делаю ошибки. Говорю «he go» вместо «he goes», путаю времена, мой акцент ужасен.

Но они — эти Клары, Джейки, миссис Кэмпбеллы — понимают меня.

Они поправляют, но не осуждающе, а так, как поправляют ребёнка, учащегося ходить. «You mean...» (Ты имеешь в виду...) — говорят они, и предлагают правильный вариант.

И я, стиснув зубы, повторяю. Не из благодарности. Из жадности.

Каждое исправление — это новый кирпичик в мою стену.

С каждым разом я понимаю их всё больше.

Не просто слова, а оттенки: сарказм Джейка, вежливое сомнение миссис Кэмпбелл, деловую напористость нью-йоркской женщины.

Я начинаю различать не только акценты, но и характеры за ними.

Я учу не просто язык.

Я учусь расшифровывать людей через их речь. Это оказывается самым ценным навыком из всех.

Теперь, когда я сажусь за ноутбук на сеанс, паники нет. Есть холодная сосредоточенность снайпера.

Я знаю: вот этот водоворот звуков — это не хаос. Это код. И у меня уже есть ключи.

Я всё ещё делаю ошибки, моя речь далека от идеала.

Но я больше не тону. Я плыву.

Не по течению, а против, к своей цели — к тому, чтобы однажды заговорить так, чтобы они, на том конце экрана, на секунду забыли, что я не своя.

Чтобы мой голос, мои слова, моя новая, стальная кожа речи стали таким же непреложным фактом, как эти стены вокруг меня.

Ещё один месяц. Ещё один. Я выдержу.

Потому что каждая понятая шутка, каждая удачно вставленная идиома — это ещё один гвоздь, на котором держится моё право остаться. И я уже чувствую: это право становится всё прочнее.

Мысленно я уже в классе, хотя физически ещё иду по коридору.

Мой мозг автоматически перебирает неправильные глаголы: begin, began, begun...

Дверь в учебную комнату.

Я останавливаюсь перед ней, делаю глубокий вдох. Впускаю внутрь себя холодную сосредоточенность. Затем открываю.

Елена Витальевна уже сидит за столом.

На ней тот же серый жакет, те же очки.

Она не смотрит на меня, изучает что-то на планшете.

— *Good morning, Arina. Sit down. We are starting.*(Доброе утро, Арина. Садись. Мы начинаем.)

— *Good morning.* (Доброе утро)

Говорю я, занимая своё место.

Она откладывает планшет. Её взгляд, увеличенный стёклами, бьёт в меня.

— *Report. Your independent work for yesterday. All 50 new words. Use them in past continuous.*(Отчёт. Твоя самостоятельная работа за вчера. Все 50 новых слов. Используй их в Past Continuous.)

Я начинаю. Голос звучит чётко, но внутри всё натягивается, как струна.

— *I was analyzing the contract. He was negotiating with the partner. The market was fluctuating...* (Я анализировала контракт. Он вёл переговоры с партнёром. Рынок колебался...)

Она слушает, не двигаясь. Я заканчиваю.

— *Acceptable. Three mistakes in prepositions. We will repeat them later. Now, grammar. Open the book, page 104. The subjunctive mood. Rule, and five examples of your own. You have ten minutes.*(Приемлемо. Три ошибки в предлогах. Повторим их позже. Теперь грамматика. Открой книгу, страница 104. Сослагательное наклонение. Правило и пять твоих примеров. У тебя десять минут.)

Я открываю книгу.

Правила кажутся запутанными.

If I were... I wish I had...

Мой мозг пытается найти в этом чёткую логику, как в схеме взлома замка, но её нет. Только надо запомнить.

Я пишу примеры, чувствуя, как её взгляд скользит по моим рукам, по губам, которые беззвучно шевелятся.

— *Time is up. Read.*(Время вышло. Читай.)

— *If I were more experienced, I would manage this project. I wish I had more data for the analysis...* (Если бы я была опытнее, я бы справилась с этим проектом. Жаль, что у меня нет больше данных для анализа...)

— *Stop. Second example is illogical. In business context, you do not "wish". You "require" or "obtain". Rewrite*. (Стоп. Второй пример нелогичен. В бизнес-контексте ты не «желаешь». Ты «требуешь» или «добываешь».)

Я стискиваю челюсти и переписываю.

— *Now, listening.*(Теперь аудирование.)

Она включает запись.

Это не Клара и не Джейк.

Это что-то новое — быстрая, агрессивная речь двух мужчин, обсуждающих слияние компаний.

Фон — шум аэропорта.

Я вцепляюсь в звук, пытаюсь выловить знакомые слова сквозь гул и акцент.

Hostile takeover... leverage... assets...

— *Summarize. In three sentences. Main conflict.*(Обобщи. В трёх предложениях. Основной конфликт.)

Я делаю паузу. Мозг лихорадочно складывает обрывки.

— *The first speaker wants to buy the competitor. The second speaker thinks the price is too high and risks are big. They disagree on the strategy.*(Первый собеседник хочет купить конкурента. Второй считает цену слишком высокой, а риски — большими. Они не согласны насчёт стратегии.)

— *Correct. But your pronunciation of "strategy" is wrong. Repeat after me. Stra-te-gy. Stress on the first syllable.*(Верно. Но твоё произношение слова «стратегия» неверное. Повтори за мной. Стра-те-джи. Ударение на первый слог.)

— *Strategy*. (Стратегия.)

— *Again*. *Louder*. (Ещё раз. Громче.)

— *Strategy*. (СТРАтеджи.)

Это продолжается.

Диктант. Быстро, без повторов.

Она диктует сложный финансовый отчёт.

Моя рука летит по строке, буквы иногда сливаются.

Потом — исправление ошибок.

Каждая красная линия от её пера — как удар хлыстом по воздуху рядом со мной.

Я не вздрагиваю. Просто запоминаю.

— *Final task. Role-play. You are my assistant. I am a potential client from Britain. You have two minutes to prepare a greeting and explain why our company is the best choice for investment. Use today's vocabulary*. (Финальное задание. Ролевая игра. Ты — мой ассистент. Я — потенциальный клиент из Британии. У тебя две минуты, чтобы подготовить приветствие и объяснить, почему наша компания — лучший выбор для инвестиций. Используй сегодняшнюю лексику.)

Две минуты тишины.

Я отключаю всё.

В голове остаются только слова: stable growth, reliable partner, innovative approach, profitable assets.

Я выстраиваю их в предложения.

Я не думаю о том, чтобы понравиться.

Я думаю о том, чтобы убедить.

— *Time. Begin*. (Время. Начинай.)

Я поднимаю голову, смотрю ей прямо в глаза, представляя за её спиной не стену, а окно в небоскрёбе.

— *Good afternoon, Mr. Wilkinson. Thank you for your time. Our corporation represents a unique opportunity for stable growth. We maintain a portfolio of the most profitable and innovative assets...*(Добрый день, мистер Уилкинсон. Спасибо, что нашли время. Наша корпорация представляет уникальную возможность для стабильного роста. Мы поддерживаем портфель самых прибыльных и инновационных активов...)

Я говорю. Голос не дрожит. Он звучит чужим, гладким, как отполированный камень.

Я вижу, как она слегка наклоняет голову, слушая. Не одобряя. Оценивая.

— *Enough*. (Достаточно.)

Она делает пометку в журнале.

— *Your intonation is still flat. It lacks confidence. It sounds memorized, not persuasive. You will practice with recordings of public speeches. For tomorrow.*(Твоя интонация всё ещё плоская. В ней не хватает уверенности. Звучит заученно, а не убедительно. Ты будешь тренироваться на записях публичных выступлений. Завтра.)

— *Yes, Elena Vitalyevna.* (Да, Елена Витальевна.)

— *The lesson is over. (*Урок окончен.)

Она встаёт и выходит, не оглянувшись.

Я остаюсь сидеть.

В ушах ещё звенит от её последней фразы. It lacks confidence. (В ней не хватает уверенности.)

Я медленно складываю тетради. Усталость накатывает тяжёлой волной. Но под ней, на самом дне, тлеет холодный уголёк.

Она сказала «persuasive» (убедительно).

Это новая цель. Не просто правильно. Убедительно.

Я посмотрю эти речи. Я разберу их на части. Я научусь звучать так, чтобы мне верили.

Я встаю из-за стола. Тело ноет. Но разум уже сканирует расписание: вечером — этикет, потом два часа на новые слова и практику интонаций.

Я делаю ещё один глубокий вдох. Война продолжается.

Упаковка души

Я спускаюсь по лестнице.
Шаг ровный, спина прямая.
Я не думаю о том,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.